

СУДЬБЫ РОССИИ

Дмитрий НЕЛИДОВ (СССР)

Идеократическое сознание и личность

Тоталитаризм подобен призраку,
который питается кровью живых...

Карл Ясперс

Замысел предлагаемой работы сложился у автора достаточно давно, однако, непосредственным толчком к ее написанию послужило опубликование „Вестником РСХД“ статьи К. Житникова „Закат демократического движения“.*) Статья не просто намеренно „подводит итоги“, она носит характер некоего „исторического приговора“ и в качестве приговора так и просится на страницы учебников истории, разумеется, учебников из прекрасного будущего. Она показала одним из первых пробуждений самостоятельной исторической мысли и на своих немногих (ввиду обстоятельств) читателей произвела впечатление блестящей. Я не оспариваю этого впечатления, хотя радикально расхожусь со взглядами автора. „Взгляды“ не означают здесь нечто расплывчатое, но указывают на весьма четкую позицию, с анализа которой мы и начнем.

I. АНАЛИЗ СТАТЬИ К. ЖИТНИКОВА

Блеск и неожиданность статьи Житникова заключается в том, что автор ее возвращается к утраченной самиздатом социологической концепции. Стойкий режим противостояния цензуре и официальному стилю мышления как бы исключил из самиздата то, что этой цензурой или этим стилем мышления хотя бы в принципе пропускалось. Разумеется, то, что было разрешено цензурой, реально уже не содержало в себе ни социологического, ни классово-

---

*) См. ВЕСТНИК РСХД № 106, стр. 275-193.

го анализа общества. Для печати годилась лишь определенная фразеология, устоявшаяся в духе марксистского социологизма и выдержанная в стиле придворных восточных этикетов. Символика принятого этикета под видом научного исследования допускала большое разнообразие приемов; она могла передать различные намеки, лесть, замаскированную критику или прямые доносы. Но охота шифровать и дешифровать обусловленные формы возникала у немногих — только у тех, кто вступал в эту игру, т. е. становился автором (возможно, потенциальным) в одной из сфер гуманитарной культуры. Вольная же литература, едва возникнув, отбрасывает ненавистный этикет. Но вместе с этикетом изгонялся и всякий социологический анализ, который в сущности не противоречил ни гуманизму, ни христианству, ни даже особо усиленному патриотизму, или патриархальной верности. Эта весьма существенная потеря была восполнена лишь немногими, и в качестве примера великолепного сочетания трезвого взгляда и социологической объективности можно указать в частности на известную работу А. Амальрика.

Статья К. Житникова, о которой мы будем говорить, анализирует «Демократическое движение». Она четко фиксирует границы «Движения», его формы и до известной степени его идеи. Основная мысль статьи: «основываясь на идеологии коммунизма, «Движение» стремилось осуществить свою программу руками властей и коммунистической партии». Сама же программа непосредственно вытекает из духа хрущевских реформ. В центре статьи стоит сопоставление пяти основных реформ, выдвинутых Хрущевым, и пяти основных форм движения. Сопоставление выглядит весьма убедительно. Оно свидетельствует о том, что «Движение», родившееся как раз после падения Хрущева, требовало более радикального осуществления его начинаний. «Оппозиционность» «Движения», — говорит автор, — объясняется тем, что проведение реформ остановилось и даже наметился поворот назад». В примерах, подтверждающих эту мысль, разумеется, нет недостатка, хотя внимательный взгляд обнаружит в статье К. Житникова много натяжек. Но главная его мысль заключается в том, что участники «Движения» исходят из социалистических взглядов, из того, что он называет «идеологией коммунизма».

Здесь возникает некоторая терминологическая неясность. Что собственно называем мы социализмом и социалистическими убеждениями? Помимо официальной, существует две точки зрения на режим в нашей стране; согласно первой из них, режим, будучи

идеологическим наследием сталинизма, является извращением подлинного социализма. На этой точке зрения, как следует из статьи К. Житникова, стоит большинство «демократов». Вторая утверждает, что социализм сам по себе есть извращение, и в крайней форме она сводится к тому, что уже в «Государстве» Платона или в «Городе Солнца» или в «Коммунистическом манифесте» в зародыше заключены будущие идеологические беснования и концентрационные лагеря.

Однако в первом случае, говоря об извращении социализма, люди сталкиваются с идеальной конструкцией, которая чаще всего бывает привита им с детства; во втором, говоря о социализме как об извращении, люди ставят знак равенства между этим понятием и той действительностью, из которой они черпают свой опыт. Строго говоря, эти позиции не имеют точек пересечения, ибо слово «социализм» они заимствуют из двух разных мировоззрений. И поэтому, опираясь на одну, в сущности нельзя опровергнуть другую. В каждом случае это слово обладает своим особым смыслом. Здесь не место говорить о том, что такое социализм «на самом деле», но хотелось бы подчеркнуть, что та позиция, в которой в данном случае критикуются «социалистические взгляды», не может вышаташаться над этими взглядами, так как лежат они в разных плоскостях. Поэтому, когда мы слышим о «социалистических взглядах» участников «Движения», то следует выяснить, что мы понимаем под социализмом. В контексте статьи К. Житникова «социалистические взгляды» означают взгляды советские и потому взгляды «демократов» представляют собой обновленный, гуманизированный или, скажем, облегченный вариант советской идеологии. Но даже, если бы это было и так, между «советским» и «социалистическим» нельзя ставить знак равенства. Точнее сказать, советская идеология сложилась лишь в результате господства, насильственного вдалбливания тех самых социалистических взглядов, с которыми сегодня она может не иметь ничего общего. И потому прежде, чем говорить о «Демократическом движении», следует разобраться в том, что противостояло ему и что в каком-то смысле было неотделимо от него — в советской идеологии.

2. «ОТЧУЖДЕННОЕ СОЗНАНИЕ»

Первое, что бросается в глаза: эта идеология абсолютно рациональна и в то же время отчуждена от всякого индивидуального сознания. Она принадлежит всем вместе и никому в отдельности. Она есть просто «объективная реальность», данная нам в представ-

лении», с которой каждый гражданин государства вынужден в той или иной мере считаться. Как бы ни был он предан этой идеологии или как бы безоговорочно ни отвергал ее — она всегда есть для него нечто внешнее, то, что соединено с ним, независимо от его личного фанатизма или неверия. Содержание этой идеологии есть исповедание веры государства.

Государство верит, что оно построено на принципах политико-экономического развития общества, открытых Карлом Марксом;

что эти принципы были творчески претворены в жизнь вождем мирового пролетариата В. И. Лениным;

что оно возникло в результате победоносной социалистической революции, которая уничтожила в России эксплуататорские классы и систему угнетения человека человеком;

что оно построило свободное социалистическое общество, которое в данный момент переходит к высшей стадии своего развития — к коммунизму;

что коммунизм предполагает чрезвычайно высокое развитие государственной экономики и на этой основе полное удовлетворение всех материальных и духовных потребностей каждого гражданина;

что коммунизм приводит к всестороннему развитию личности и к невиданному процветанию;

что законы, открытые Марксом и Лениным, есть законы самой истории, которые рано поздно, тем или иным путем приведут к построению коммунизма во всех странах;

что оно обладает самой здоровой экономической структурой — плановым хозяйством;

что оно обладает единственно истинной философией — диалектическим и историческим материализмом;

что в этой философии заключаются мировоззренческие основы науки и культуры (физики, астрономии, социологии, истории, литературы, права и т. д.);

что построение коммунизма осуществляется в соответствии с этой философией и научной истиной всем советским народом под руководством коммунистической партии — передового отряда советского общества;

что те, кто препятствует построению коммунизма, заражены влиянием враждебной империалистической идеологии и с ними необходимо решительно бороться.

Разумеется, изложенное здесь государственное кредо предельно кратко. В развернутой форме, в виде развитой догматической системы оно заняло бы десятки томов. Что будет записано в этих томах по отдельным вопросам и параграфам, каждый из нас может легко себе представить. Ибо практически в каждом это исповедание заложено в виде закодированных знаний, эмоций, импульсов. Об этом еще пойдет речь. Сейчас интересно следующее. Было сказано: «государство верит». Но откуда у государства взялась такая способность? Можно, правда, говорить о вере партии или народа, но в данном случае это только эвфемизмы государства. Совершенно неважно, каким словом мы обозначим ту самую сущность, которая верит во все это или все это провозглашает. Важен факт: эта вера существует и активно утверждает себя. Утверждение и провозглашение веры государства есть идеология. При позитивистском взгляде на нее, мы увидим в идеологии только определенную организацию знаков, символов, значений, т. е., некую семантическую систему с фиксированной структурой запретов и правил семантической сочетаемости.

Эта система, которую можно называть и языком государства, носит совершенно безличный характер. Она **о б я з а т е л ь н а** в той или иной мере для каждого. Однако практически нет и, наверное, не может быть человека, убеждения которого целиком бы укладывались в эту систему и описывались этим языком. Человеческая психика всегда оказывается более подвижной и легко соскальзывает как в «собственные мнения», так и в «свой язык». И потому всякое «идеологическое соучастие» (при написании романа или журнальной статьи, при судопроизводстве, при формулировании официальных директив любого масштаба) неизбежно управляет индивидуальное сознание ради безличного отчужденного сознания, олицетворяющего собой всю сумму государственной веры.

«Сумма веры», идентичная в данном случае «сумме всеобщего блага», напоминает гегелевское определение государства как «божества на земле». Разумеется, то, что имел в виду Гегель, ничего общего с советским строем не имеет, да и сам он по давней традиции намеренно исключает из своего языка все религиозные понятия. Гегель, определяя свое государство, видел в нем имманентное раскрытие Абсолютного Духа. Абсолютный Дух был тем самым божеством, сведенным на землю методом гегелевской диалектики. Диалектика или логика заключала в себе законы саморазвития этого Духа, приходящего после ряда отрицаний к синтезу или

тождеству с самим собой. Это тождество в частности должно было завершиться в «абсолютно разумном государстве», знаменующем своего рода итог человеческой истории. Маркс, который, как известно, «поставил гегелевскую философию с головы на ноги», усмотрел движение диалектических законов в реальном (экономическом) развитии общества. Он увидел в истории непрерывающуюся борьбу классов, эксплуатацию бедных богатыми. Но философия была призвана, по Марксу, не только к тому, чтобы правильно увидеть и объяснить мир, но и к тому, чтобы изменить его, т. е. избавить его от эксплуатации, от имущественного неравенства. Ключ к изменению мира лежал в открытой им диалектике развития производительных сил и производственных отношений и вытекающей из нее диалектической практики. Эта историческая практика требовала революционного перехода к социализму. При социализме будет уничтожена сама возможность эксплуатации, поскольку все материальные и культурные блага станут собственностью не отдельных лиц, но всего народа.

Вопреки ожиданиям Маркса, все это как будто осуществилось в той огромной, но отсталой стране, которая в течение многих лет была в его глазах «жандармом европейских революций». Маркс, если бы он был жив, мог бы торжествовать победу. Но сам он наверняка не счел бы себя победителем. Революция, совершенная ради освобождения от гнета и эксплуатации, привела к самообожествлению государства, в котором могло быть освящено любое рабство и любая эксплуатация. Но это еще не все. Вся хитрость заключалась в том, что эта самая рабская форма власти, установленная путем свержения тирании, должна была без конца внушать себе и своим подданным, будто они живут в самом свободном, самом прогрессивном и самом процветающем обществе. Тот комплекс идей, который привел к созданию этого общества, в конце концов, безраздельно воцарился в нем, стал его единовластным и неограниченным диктатором. Теперь стало возможно многое, кроме одного: ограничения этой безмерной идеологической власти. Победителем вышел, пожалуй, не Маркс, а Гегель. Государство фактически признало себя «божеством на земле». Теперь оно могло верить, провозглашать и отстаивать свое кредо. Абсолютный Дух легко транскрибировался в Высший Исторический Разум, а затем и в Историческую Необходимость, слагающуюся из непреложных диалектико-экономических законов. Сведение божества на землю совершилось с помощью еще одного диалектического переворота — отрицания марксизма (как силы, взрываю-

щей все традиционные скрепы общества, как сконцентрированной революционной воли) посредством современной марксистско-ленинской идеологии (как максимального затвердения, консервации определенной общественной системы в качестве идеократии).

Это, конечно, схема, известная каждому. И сам Маркс совершенно не стремился обосновать государство, где его идеи стали бы объектом «отчужденного» государственного культа. Сам Маркс, признанный «специалист по срыванию всяческих масок», вовсе не собирался заводить этого небывалого хора ряженных, где напаленная идеологическая личина заменяла бы подлинную человеческую сущность. Вдохновляясь перспективой целостного освобождения человека, предвидя создание общества, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех, он отнюдь не предполагал, что оно будет выглядеть безликой однородной массой, утрамбованной гигантским идеологическим прессом. И он, вероятно, с ужасом узнал бы в получившемся словесном месиве фразеологию своих идей. Дело было сделано так, как предсказывал когда-то Гегель: история двигалась к своим «объективным целям», из хитрости прибегая к чьим-то открытиям, потребностям и надеждам.

Но и Гегель вряд ли обрадовался бы своей победе. Абсолютный Дух, веками отстоенный и дистиллированный в самых верхних слоях европейского мышления, оказался нестерпимо самодовольным и скудоумным оборотнем, набитым полуосмысленными фразами и одержимым жаждой абсолютного господства. Но и будучи оборотнем, он обладал всеми признаками Абсолютного Духа. Повинуясь стройным законам диалектики, пройдя через ряд отрицаний, он пришел к отождествлению с самим собой в отвлеченном и обоготворенном разуме государства. В качестве абсолюта он пронизывал все формы общественного бытия, противопоставив себя относительному сознанию индивида. В качестве духа, он внедрялся в это сознание, он стремился как бы воплотиться в нем, навязать ему свою волю. В качестве новоявленного божка-высочки, втайне чувствуя себя временщиком, он одной рукой наспех оделял всех дешевой поверхностной благодатью, другой — наскоро душил непокорных и непонятливых. Он обладал разветвленной символикой имен — Будущего, Исторической Необходимости, Прогресса, Вождя народов, но природа его при всех именах оставалась неизменной.

Открытие Маркса парадоксальным образом привело к созданию пневмоцентрического государства. Абсолютный Дух, ставший

его идеологическим субстратом, это прежде всего внечеловеческая истина, отчужденная от всякого индивидуального сознания и навалившаяся на него. Истина стала для людей насилующей объективностью и, когда данные опыта не соответствуют этой истине, то, по известному изречению Гегеля, хуже было для фактов. Истина могла поставить на место любые факты. Она могла превознести их или уничтожить. Она могла «вправить» их в любой субъективный опыт так, что никакой очевидности, никакому здравому смыслу с ней нечего было тягаться. Под разбитной философский рефрен «материя первична, сознание вторично» демонстрировалась невиданная мощь духа и поправление какой угодно материи. Истина как будто в дионистическом экстазе пустилась по земле в пляс, завоживший человеческие души. Но оргиастическая природа в ней была скрыта под упрямым крепколобым рационализмом. Сама же она считала себя прочной, уравновешенной и совершенно объективной наукой. Правда, ее мнение о себе порождало в ней здоровое чувство уверенности, однако мешало прибегать к услугам потенциальных союзников.

Вот один пример. На Западе неоднократно делались попытки соединения истины марксизма с психоанализом; в умелых государственных руках союз этих двух столь прочных, столь всеобъемлющих систем мог бы стать неодолимой силой. Помнится, Сартр сетовал на то, что марксисты напрасно пренебрегают таким союзом и даже предлагал своеобразный проект синтеза того и другого. Но идеократическое государство, разумеется, не могло принять такого подарка. Его истина была сделана из грубого, добротного материала; в психоанализе она могла размокнуть и переродиться. Психоаналитический метод открывал ход к человеку изнутри; в масштабах тотального воздействия он мог оказаться в принципе более эффективным. Но ради сохранения монополии истина не могла пойти на такой союз и оставалась просто отчужденным общественным благом, которое, не копаясь в подсознании, без разбору дубасило по головам тех, до кого (по какой-то непостижимой географической нелепости) можно было достать.

3. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Современное индустриальное общество часто называют обществом потребления; здесь все производится на продажу; политические идеи продаются так же, как машины, консервы или искусственные волосы. Западный человек привык к эйфорической атмосфере рекламы; со всех стен, со всех страниц к нему обраще-

ны зубные пасты, чулки на стройных ногах, белозубые улыбки политических деятелей. И все трезвонит на разные голоса: купите меня, выберите меня! Уже давно открыто и со всей обстоятельностью доказано, что свобода такого выбора иллюзорна, что человеческая душа среди изобилия одинока, что от перемены белозубых улыбок нисколько не меняется судьба «человека с улицы». От этой постылой свободы, которая есть на самом деле полная порабощенность, возникают студенческие волнения, отращаются длинные волосы, зарождаются «новые романы» и «театр абсурда». За всем этим нередко скрыт и метафизический бунт: долой потребление! любую революцию и немедленно! Но даже будучи самым ярким обличителем «фальшивой» буржуазной свободы, западный человек дорожит своим правом купить ту зубную пасту, а не эту, выбрать эту идеологию, политическую партию или страну для жительства, а не ту. Ему часто не приходит в голову, что в современном мире люди могут быть начисто лишены этого иллюзорного и трижды разоблаченного права выбирать ценности и идеи.

В тоталитарном обществе идеология — это вовсе не тот товар, который можно почему-либо не купить и не усвоить. Это товар, который сам выбирает себе потребителя, не спрашивая его согласия даже в самой условной, ничего не значащей жизни — с детских песенок, утренников, букварей. Неважно в данном случае, каков в дальнейшем будет результат этого потребления, важно то, что его невозможно избежать. В каждом возрасте идеологическое кредо преподносится в доступной и ёмкой форме. Однако во всех случаях априорно предполагается, что человек остается ребенком, которого всю жизнь необходимо воспитывать, бесконечно повторяя ему на разные лады, «что такое хорошо, и что такое плохо». При этом хранители и якобы вершители идеологии, те, кто имеет доступ к ее тайнам, те, кто могут распределять ее и манипулировать ею, числятся, разумеется, старшими, но и им далеко до настоящей взрослости. Идеократия оставляет людей на положении ребятишек из детского сада, которых воспитывает безликое идеологическое «Оно».

При всех возможных персонификациях, при всех культах никакая личность по сути дела не может управлять тоталитарным обществом. Не Сталин был абсолютным диктатором, но обожествленная истина, спаявшая людей своей мистерией. Правит не личность, но идеологический джинн, выпущенный из бутылки. Сталин Сталиным мог быть лишь в силу того, что инстинктами, убеждениями, одержимостью Сталина обладал любой чиновник, газетчик, проку-

пор, любой следователь на допросе и любой понятой при обыске. Каждый получал прививку бесконечной веры в прогресс и безграничной ненависти к врагам народа. Сознание каждого было сдвинуто этим странным смешением нетрезвого руссоистского оптимизма в отношении всего человечества и волчьих инстинктов в отношении любого конкретного человека. Никаких антимоний, однако, здесь не допускалось. Всякие антиномии были уже заранее сняты где-то наверху, куда не пускали простых смертных. Так называемый культ личности был только одной из кульминаций безличностного, по сути идеологического культа — период, когда он достигал, пожалуй, наибольшей магической силы.

Когда магизм несколько рассеялся, ряд декораций пришлось заменить. После недолгой интермедии с Хрущевым, столь живо напомнившей известные слова о том, что история разыгрывается сначала как трагедия, а затем повторяется в виде фарса, наступила, кажется, стабильная полоса, для которой характерным стал культ Ленина. Ленин, разумеется, только одна из последних персонификаций, но совсем иного рода. Он уже не живет на земле и не думает по ночам о нас. Он жив только «вечно», в идеях, символах, специфических обрядах. Идеологический магизм на этой стадии заметно ослабевает, но сохраняет основную структуру своего воздействия.

Можно было бы немало сказать об истории этого магизма, о тех метаморфозах, которые он претерпел, но наша тема — только синхронический срез идеократического сознания. Первое, что усваивается им — четкая ценностная ориентация. Речь отнюдь не идет о глобальных политических проблемах: о вере в коммунизм, о социалистических убеждениях. Находясь под «властью идей», человек перестает жить идеями в чистом виде (один из парадоксов идеократического сознания, постороннему человеку, может быть, неизвестных). Он живет комплексами идей — инстинктами, которые в нем особым образом воспитываются постоянным идеологическим давлением. Он погружен в атмосферу инстинктивных ценностей. Весь мир вокруг него как бы пропитывается идеологическим электричеством, электризуется в положительных и отрицательных зарядах. При культе личности фигура вождя была только точкой наивысшего напряжения, но никак не источником энергии. Когда место живого вождя заменили «идеи, которые будут жить вечно», напряжение само собой ослабело. Произошло всего лишь перераспределение энергии, но мир остался попрежнему наэлектризованным. Существование в этом мире есть постоянная включенность в жесткую отработанную систему энергоценностей. Ото-

всюду человек получает толчки и импульсы. Газеты, радио, шлягеры, памятники исторического величия, глаза вождя, смотрящие со всех стен — все это служит проводником определенных, строго рассчитанных идеологических зарядов. Человек аккумулирует их в себе и именно эти заряды заменяют ему идеи. Устойчивые словосочетания, такие, как «борьба с международным империализмом», «антисоциалистические силы», «ударный труд», «в духе советского патриотизма» — не мысли, не идеи как таковые, но сжатые пружины, с силой распрямляющиеся в сознании идеологического потребителя. Они постоянно стимулируют определенные выработанные инстинкты, своеобразную культуру условных рефлексов, при воспитании которых только и может функционировать идеократическая система.

Все как бы рождаются в ней наркоманами: чтение газет, слушание «последних известий» становится неискоренимой привычкой. Получаемые заряды состоят из одних и тех же информационных элементов: «постановление пленума», «сердечная встреча братских партий», «досрочное выполнение плана», «забастовки на Западе», «обуздать агрессора», «новый подарок труженикам села»... Добавьте к этим элементам еще десять-пятнадцать и вы практически исчерпаете запас информативных стимулянтов. Нередко встречаешь людей, которые не верят здесь ни одному слову, у которых это пошло вызывает отвращение и все же по какой-то неведомой им самим причине они не могут от него отказаться; как заведенные, слушают радио, читают газеты. Какая-то навязчивая потребность заставляет их включать себя в сеть идеологического питания и изо дня в день, из года в год получать одно и то же: «...выполнение плана... обуздать агрессора...»

Возникает невиданная мифическая система: человек живет в мире реальностей, которые доходят до него только посредством каких-то обусловленных словосочетаний, но никак иначе. Действительность, которая стоит за этими словосочетаниями, практически неизвестна, но в нем действуют импульсы, порожденные мифом. Постоянно потребляемая информация только поддерживает их, но в принципе он мог бы обойтись и без нее. Он без труда мог бы и сам породить эти словосочетания, сам лепить этот миф, ради отчужденного и не всегда до конца понятного ему «нужно». Так собственно и происходит на фабриках идеологии, на «кухне большой политики», в аппаратах пропаганды. Те, кто служат там, просто включают в дело выработавшиеся в них импульсы идей и словосочетаний. Они работают ради мифа, хотя

сами, конечно, думают, что не нуждаются в нем. Но чтобы они про себя ни считали, чтобы ни думали их потребители и клиенты, какие бы реакции ни пробуждались в том или ином индивиде, идеологическая машина работает независимо ни от того, что профессиональный журналист не верит ни одному написанному им слову, ни от того, что у какого-нибудь потребителя вся эта система усвоения сигналов и импульсивного реагирования работает на полном ходу.

Потребление обладает как бы позитивной и негативной частью. Позитивная часть есть то, что определено нами как отчужденное сознание, т. е. сумма абстрактного государственного блага, выражающего собой смысл истории и ее завершение в построении предписанного типа общества. От смысла истории тянутся нити к смыслу философии, к смыслу этики, к смыслу науки. Сумма истины распадается на ряд подструктур, интерпретация которых требует одной системы значений. Система эта вводится в сознание путем неустанного пропагандистского нажима во всех видах. Что касается негативной части, то это есть сфера усвоения навязываемой истины, область воздействия идеологии и вырабатываемой здесь духовной и этической ориентации. Эта подводная часть очень мало напоминает ту, что видна всем с первого взгляда. Там особый мир со своими законами, и то, что в позитивной части было «смыслом», становится в негативной части рефлексом, импульсом. Законы здесь выражают сложную систему запрета, внешних и внутренних, реальных и потенциальных угроз, вытесненных и невытесненных страхов, соединенных с каким-то иррациональным неконтролируемым оптимизмом или по крайней мере с какой-то смутной верой в собственную правоту и историческую необходимость всего происходящего или могущего произойти. Если бы не было этой разветвленной подземной системы, если бы каждый не носил ее в себе, то в один прекрасный день он мог бы рассмеяться, как ребенок из андерсеновской сказки и воскликнуть: «А король-то голый!» Но сознание в условиях тоталитарного государства остается постоянно включенным в грандиозное идеологическое действие, в котором не может быть равнодушных зрителей или столь невоспитанных детей. Все должны принимать в нем участие. Можно не читать газет, куда труднее ускользнуть от выборов. Следует понять, что сама идеология, сама навязанная истина печатает газеты, зовет вас на выборы, при надобности сажает вас за решетку, а не та или иная когорта идеологических сыщиков. Все подчинено этому Молоху. Есть люди, которым это выгодно, есть

те, кто подчиняется ему добровольно и те, кто его ненавидит, но каждый должен в той или иной степени в меру своих сил и желаний приспособливаться к нему.

4. КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ.

Идеологическое приспособление можно выразить более нейтральным понятием — культурой социальной адаптации. Так на языке социологов и психиатров формулируется способность человека сживаться с окружающей средой. За этой формулировкой стоит предположение, что нормальный индивид обладает такой способностью, т. е. он может, а в определенных случаях и обязан принимать социальную и идеологическую окраску того общества в котором он живет. Если научно доказано, что живет он в самом прогрессивном обществе, если идеология этого общества есть сама истина в ее революционном развитии, то культура социальной адаптации выражается в безоговорочном принятии этой истины, в подтверждении её словом и делом, мыслью и чувством. Сущность человека определяется с точки зрения развития в нем культуры социальной адаптации, т. е. взаимоотношений его с истиной. Отчужденное сознание остается чем-то первичным по отношению к человеку. Лишь под углом такого сознания можно узнать, добр он или зол, талантлив или бездарен, говорит ли правду или клеветет. (*)

Иными словами, культура социальной адаптации есть постоянное посольство истины в человеке, присутствие в нем отчужденного сознания блага. Но как воздействует это «благо» на внутренний мир человека, как взаимодействует оно с сердцем, которым оно навязано? Мы ставим этот вопрос в свете основной антропологической проблемы: насколько гибок человек, насколько он внутренне подвижен и податлив перед этой чужой, обрушившейся на него духовной силой? Насколько он самостоятелен и насколько зависим от нее?

(*) Только истина, известная априорно, может объяснить нам, что такое клевета. Клевета есть то, что ни при каких условиях не может быть правдой. Не может потому, что не должно. Не должно потому, что заведомо не может быть и т. д. Попробуйте одолеть такую логику. См. статью 190¹ УК РСФСР: "Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй и систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный строй" и т. д. Под "строем" понимается не только политическая структура общества, но и весь комплекс идеологических запретов.

Частично мы уже ответили на наш вопрос, касающийся взаимодействия идеологии и личности, указав на культуру социальной адаптации. Эту культуру можно определить как воспитанную определенным образом систему условных рефлексов на соответствующую ей систему идеологических сигналов. Или, если воспользоваться понятиями психоанализа, культура социальной адаптации есть некий клубок импульсов (энергоценностей), постоянно хранящихся в подсознании. Этой системе научаются так же легко, как родному языку. И она становится практически неотделимой от личности. Освободиться от нее значительно сложнее, чем приобрести ее. Дело не в политических убеждениях, не в идеях вообще, а в той гамме полусознательных реакций, которые возникают при идеологическом воздействии. Эти реакции как бы заранее заданы и пронизывают не только интеллект, но и весь строй эмоциональной жизни человека.

Возьмите литературу, живопись, музыку. Социалистический реализм здесь не только навязан, насильно привит к таланту, он есть внутренняя потребность, — тот же идеологический импульс, действующий в сфере искусства. Возьмите, например, поэзию, отнюдь не гражданскую, а самую что ни на есть лирическую, поэзию «общечеловеческих» переживаний — любви, природы, старости, смерти. Эти переживания, если приглядеться, на редкость стереотипны. Их амплитуда не намного шире, чем амплитуда идеологических импульсов, заключенных в газетной статье или в передаче «последних известий». Дело не в форме, но в сути «переживаний». Они исходят не от реального человека, но от того, каким он, по мнению автора, должен быть. Автор почти бессознательно ставит на свое место вымышленный идеологический манекен, который играет роль его лирического героя: он в меру бодр, здоров, оптимистичен, в меру задумчив и грустен, он утверждает, что жизнь — это борьба, влюбляется с неуклюжей прямотой рабочего парня, а когда стареет, настаивает, что душа его еще молода. Этот герой вышел, правда, из эпохи «культовых лет», когда принятый стереотип был предельно узок и предельно доступен массовому сознанию. С тех пор в культуру вошла новая тема, которую условно можно назвать темой подражания гуманизму. Стихи, песни, кинокартины подаются уже в более «человеческой» упаковке. Но коль скоро они включены в идеологическую систему и служат ей, они вынуждены скорее следовать за неким уже имеющимся образом, нежели создавать его. Здесь в культуре, как и повсюду, образы даны уже заранее, они принадлежат подсознанию

художника и в процессе творчества только поднимаются на поверхность.

Неважно при этом, что подобная стерилизация духа производится якобы во имя человека, с целью всестороннего развития личности в будущем. «Всестороннее развитие личности» — фраза, ставшая особенно расхожей, но не имеющая никакого смысла. Вас запирают в идеологическом карантине, путем различных обработанных приемов лишают вас извне и изнутри права подлинной творческой реализации, права на сострадание, права на горький смех, права на молитву, а потом, ради «всестороннего развития» предлагают вам русскую литературу, пронизанную тем самым состраданием и горьким смехом, зовут вас в музей любоваться иконами и на концерт — слушать хоралы Баха. Но вы уже бесконечно далеки от того, что вызвало их к жизни. Прежде, чем раскрыть книгу и войти в музей, вы уже получили прививку духовного бесплодия. «Всестороннее развитие» приводит лишь к гедонистическому поеданию культуры и массовому обжорству, не вызванному никаким подлинным голодом.

Однако, «всестороннее развитие личности» организуется так, что «общечеловеческое» здесь как бы вливается в советское, дополняя и поддерживая его. Так возникает иллюзия раскрытости и гуманизма. При этом соединение двух культур, подлинной и поддельной, направляется чаще всего единым планом рассчитанного идеологического нажима.

Посмотрим на структуру такого воздействия. Любая его разновидность, облечена ли она в форму искусства или повседневной пропаганды, есть интерпретация заранее заданной темы. Эта интерпретация постоянно апеллирует к выработанному «социальному образу» — манекену, обладающему определенным стереотипом чувств, мышления, поведения. Для «социального образа» характерна замкнутость и постоянство образующих его элементов. Он хранит в себе некий объем информации, закодированной в виде безотчетных эмоциональных импульсов и распределенной по ряду тем. Каждая тема представляет собой привычную сумму реакций на устоявшийся идеологический раздражитель. Механика пропаганды основана на том, что эти реакции вызываются в должной последовательности и нужном ритме. Любую газетную статью можно распisać как мелодию по нотам, где каждый информационный знак соответствует заранее известной реакции. Интеллектуальное постижение играет здесь скорее условную, символическую роль. «Социальный образ» реагирует, но

не мыслит. Что бы ни подразумевалось, скажем, под словом «свобода», оно всегда схватывается скорее интуитивно, в комплексе связанных с ним реакций на контекст: «свобода советского человека», «пресловутая свобода западной демократии» (потому-то демократии эти нередко обманываются советским словом «свобода», ведь речь идет не о каком-то понятии, значение которого одинаково во всех языках, но об интуитивных импульсах, вызываемых этим словом, которые могут ничего общего не иметь с отвлеченным его смыслом). Это относится к любым идеологическим высказываниям, причем объем таких высказываний может быть как угодно широк. Но каждое неизбежно проходит сквозь ряд обусловленных реакций, ограничений, заданностей. Я уже не говорю о всех системах и подсистемах внешней цензуры. Это мир, который может быть описан только в научной фантастике. Но вырастает он из цензурной внутренней, тех интимных, невидимых перегородок человеческой души, которые социологи и психиатры, как известно, называют культурой социальной адаптации.

5. «ДВОЕМЫСЛИЕ».

Культура социальной адаптации или негативная идеология, о которой мы говорили, укладываемая в особую, полувывесненную, полусознательную часть души, есть в то же время система внутренних фильтров или цензура. Цензура образуется в результате отвердения устоявшихся реакций на регулярно посылаемые и особым образом организованные идеологические энергоимпульсы. Она предопределяет усвоение всей поступающей информации, оживляя и расцветивая одно, стерилизуя и вытесняя другое. Цензурированное познание есть своего рода «повторение в виде фарса» трансцендентального познания у Канта: человек воспринимает мир посредством априорных заданных форм, предрешенных стереотипом «социального образа».

«Социальный образ» накладывается на личность, пытаясь раствориться в ней и в то же время поглотить ее целиком. Но это оказывается принципиально недостижимым, что приводит к феномену «двоемыслия». Двоемыслие — термин не новый, но кажется еще никем в достаточной мере не истолкованный. Орвелл скорее гениально угадал его, чем разъяснил; другие больше описывали, чем проникали в его природу. Последнюю задачу не берет на себя и автор настоящей статьи. Мне хотелось бы показать только механизм действия этой системы двойной ориентации, этой искус-

ной внутренней мимикрии или, если угодно, шизофренической расколотости духа.

Следует с самого начала подчеркнуть, что двоемыслие есть именно духовное заболевание, что феноменальный срез душевной и интеллектуальной жизни человека далеко не всегда обнаруживает его признаки. Это болезнь, которая свидетельствует о предельной человеческой падшести и падшестью именно — о неистребимой духовности. Двоемыслие возникает от того, что люди, как бы безраздельно ни отдавались они идеологической рефлексологии, как бы ни лгали, притворялись, гримасничали, как бы ни хитрили и ни обманывали себя, все же остаются людьми, которые потаенно помнят о своем актерстве и могут в какой-то степени отойти от него, взглянуть со стороны. Двоемыслие выражается уже в осознании действующих инстинктов, в умении как-то контролировать и использовать их; оно заложено в самом начальном отделении самого себя от механизма своих реакций. Степень этого отделения может быть различной. Забегая вперед, скажем, что различия в степени отделенности никоим образом не указывают на снятие двоемыслия как такового; эта степень только воспитывает различные его формы.

Схематично можно указать на две основные формы двоемыслия, на два его полюса. Условно будем называть их глупостью и цинизмом. Глупость есть минимальная степень отделенности своего «я» от социально-идеологического манекена. Цинизм указывает на максимальную степень. Каждую из этих форм можно отнести не только к особому эмоциональному климату, но и, условно говоря, к своей эпохе. Идеократическое сознание проходит как бы через два возраста — идеологического инфантилизма и деидеологизации. (*) Сейчас нас интересует второй случай. Циники (т. е. носители двоемыслия периода деидеологизации) обычно считают, что обладают полной внутренней свободой, что их идеологические повинности не затрагивают их личности. Они якобы только принимают правила игры, которая им навязана. Они всту-

---

(*) Деидеологизация вовсе не означает какого-то бы то ни было внешнего умаления идеологии. Ритуал соблюдается неукоснительно. Все запреты остаются в силе. Но большая шестерня идеократии уже перестает приводить в движение малые шестеренки выработанных рефлексов. Энтузиасты постепенно превращаются в актеров, добровольных, наемных или запуганных. Их мера опознается лишь потому, что она выглядит слишком «правильной»; ни одного слова от себя и все — по тексту.

пают в нее с гримасой отвращения (которую даже нередко можно заметить) или с несокрушимой уверенностью в своей правоте («ведь ни второго, ни третьего не дано»), они могут жить с улыбкой на устах или кусая локти от ярости, но в конце концов не выдерживают и сдаются. Никакой ум, никакой скепсис не может оградить их личность. Длительное актерство неизбежно приводит к тому, что даже за постылой идеологической ролью признается какой-то кусочек правоты. Либералы пытаются посеять в ней зерна смысла и этики, разума и гуманизма, «зерна», которые не могут вырасти на этой почве уже в силу того, что она изначально искусственна, предписана истиной «социального образа», вечночеловечна.

Различных вариантов этой игры почти так же много, как игроков. Но важно другое: какую бы свободу ни сохранял за собой интеллект в оценке своих действий и решений, как бы ни сомневался и ни иронизировал, как бы ни подтрунивал над собой, циничная свобода «рацио» стоит немногого. Это всего лишь длинный поводок, который вполне допускается правилами. Зачастую он гораздо полезнее любой безотчетной глупости. Если бы не было этой упрямой свободы, кто работал бы в пропагандистском аппарате, писал бы цензурные инструкции или искусно соразмерял бы с ними собственное творчество? Идеология в сущности не может обойтись без циников, — тех, кто чувствует ее сегодняшние нужды, тех, кто умеет уловить ее колебания и нюансы. На нынешнем уровне люди с неразвитым двоемыслием оставались бы только потребителями, но не могли бы на нее работать. Поскольку одна из негативных функций идеологии — это функция запрета, духовной стерилизации, то для того, чтобы обслуживать ее, требуется все более и более сложный заградительный аппарат, который мог бы противостоять растущему напору идеологической контрабанды. А здесь нужны люди, знающие лазейки духа, те, кому ведомы [неразборч.]

Двоемыслие в целом — это не только способ мышления, не одна лишь особенность работы психики. Двоемыслие есть добровольное подчинение себя заданному манекену, вживание в него, выправление себя по механике отработанных в нем рефлексов, по предписанной им цензуре. Такого манекена, строго говоря, не существует в действительности; практически ни один из индивидов не может быть с ним полностью отождествлен. Однако он реальнее кого угодно. Он появляется в миллионах книг и статей, выступает по радио и телевидению, заседает в представительных

собраниях, судит, хозяйствует, охраняет, распевает песни и правит внешней политикой. Он хочет быть всем и каждым, добиваясь этого то властью, то хитростью, тысячью различных способов, из которых хотя бы один никогда не оказывается безуспешным. И каждый, если он не одарен какой-то особой внутренней силой к сопротивлению (силой, которая, повторяю, ничего общего не имеет с рассудочным отстранением от манекена при внешнем служении ему) бывает вынужден в той или иной мере принять его, сделать его собою. Чем он при этом руководствуется — убеждением, выгодой, страхом, или привычкой, в общем безразлично. Важно только, чтобы он пожертвовал какой-то частью личности, бессознательно, рефлекторно — отказался от самого себя.

Простой и как будто стершийся от частого употребления факт, что взрослые люди должны «слушаться» «старшей» их истины, данной им в виде «социального образа», несущего в себе синтез всех идей, чувств, ориентаций в отношении почти всех ключевых проблем духовной жизни человека, что их всеми путями приучают к этому послушанию, что непослушание всегда сопряжено со множеством лишений и насилий, есть не только подавление свободы, не только уничтожение человеческого достоинства, но и попрание человека как такового. За казенной идеологической витриной, где люди должны изображать себя не такими, каковы они на самом деле, но какими и з н у т р и им предписывает быть внешне навязанный им «социальный образ», есть по сути какое-то искажение человеческой природы, умаление человечности.

Открытие социальной обусловленности духа положило начало тотальному овладению им. Сегодня мы видим последствия этого процесса в культуре социальной адаптации (т. е. в том, какой смысл приобретает это понятие), в попытке вывести новую породу людей, чьи поступки и взгляды предопределены уже до рождения. Люди рождаются приговоренными к атеизму, к двоемыслию, к идеологическим инстинктам. Гнет навязываемой им истины гораздо серьезней гнета султана или диктатора. Истина требует не только того, чтобы вы ей подчинялись или изредка приносили символические жертвы, истина вламывается в ваше сознание и заползает в сердце. Она хочет править вами изнутри. Вот это проникновение в ваш разум и волю отчужденного от вас разума и воли, ваше приспособление к ним и подыгрывание им, ваш отказ от собственного духовного выбора и ответственности за него, от

собственных ваших мыслей и веры, нельзя назвать иначе как попранием человеческой сущности, дегуманизацией.

Мы еще недостаточно поняли, недостаточно осознали этот опыт. Он всегда как-то растворяется за колонками цифр, за всеми «невиданными победами социализма». «Противники» его обычно противопоставляют «друзьям» свою статистику жертв и преступлений: «Ваш социализм, возможно, и хорош, но слишком дорог». Но не будем говорить на этом языке. И сейчас даже неважно, чьи цифры окажутся в конечном счете убедительней. Важно то, что идеологический террор, который сопутствовал всем этим победам и жертвам и который не утих до сих пор, целые народы заразил массовым двоемыслием, породил всех этих толстошеих и тонкошеих вождей, доносчиков, сексотов, вохровцев, вертухаев, газетных конферансье, этих оперов, кумов, цензоров, услужливых психиатров, этих «все понимающих» людей, этих научных и малых специалистов по камуфляжу, замазыванию, подслушиванию, этих аристократов двоемыслящего духа, — философов и поэтов, этих литературных маклеров оптимизма и всех безымянных исполнителей приговоров. В какую графу занести такого рода итог и кто ответит за эту жатву дьявола? — риторический вопрос, на который нам не дано знать ответа.

6. В ПОИСКАХ ИСЦЕЛЕНИЯ.

В начале статьи мы намеревались говорить о «Демократическом движении». Но вести разговор о нем было бы совершенно невозможно, не проникнув в ту атмосферу, в которой оно возникло. Само наименование, однако, неудачно; повидимому оно сложилось стихийно и не выражает сущности того, что происходит. Поэтому гораздо легче писать о закате «Демократического движения», уже с оттенком иронии в отношении этого несостоятельного термина, нежели, скажем, о его расцвете или перспективах.

Те процессы, которые мы имеем в виду, следовало назвать скорее поисками исцеления, попыткой освободиться от условных, почти врожденных идеологических рефлексов, от навязанного механизма поведения путем волевого и жертвенного вызова. «Демократическое движение» явилось, очевидно, одним из негативных этапов этих поисков и попыток.

Я не буду говорить ни об истории «Движения», ни о его характере, ни о его участниках, ни даже о его программе. Об этом скажут и напишут другие, те, кто знает это лучше меня. Я

буду говорить о его духовном, невыявленном смысле, который для меня очевиден и который сейчас в период «заката» бесспорно выступает на первый план. Ибо восстановление человеческого достоинства, которое было основным делом «Движения» (я бы сказал, религиозным делом) есть борьба с тем видом духовного заболевания, с той дегенеративной рефлекторной стадностью, которая неизбежно возникает тогда, когда людей начинают разводить на «идеологических фермах» и в «инкубаторах мнений». По сравнению с этим основным делом отступает на второй план и отсутствие экономической программы, и внешняя узость целей, и пресловутое сходство языковых форм «Движения» с фразеологией государства.

Главное, в чем К. Житников упрекает «Движение», заключается в том, что оно лишь на полшага обгоняло реформы эпохи «десталинизации», что оно служило их развитием и в случае удачи могло бы привести к обновлению коммунизма. Однако К. Житников здесь как-то полусознательно поддается той самой игре в наивность, которая служит неизменной маской идеократии. Коммунизм нельзя рассматривать как совокупность идей: фактически ведь нет никакого идейного коммунизма, есть большое импульсивно заряженное общество (каким всегда становится тоталитарное общество), и коммунизм есть просто устойчивая форма его одержимости.

Впрочем, это слово обладало всегда весьма гибким смыслом. О каком коммунизме думали чекисты, уничтожая в 37 году «старую гвардию»? Какой коммунизм водворяли в Чехословакии советские танки? Ведь там немало говорили о готовности сохранить социалистический строй, которому, строго говоря, ничего не угрожало. Уже потом появилась легенда об «антисоциалистических силах», о тайных планах и сговорах. А было — едва ли ни несколько десятков журналистов, которым на какое-то время удалось создать угрозу идеологической монополии. Не самим идеям — нет, но только их безоговорочному господству, только их тупой, холодной, неповоротливой тирании. И вот божество, сведенное на землю, приходит в ужас — посылает колонны танков и ставит политических марионеток, повторяет инсценировки («клеим позором», «всецело поддерживаем») и даже открывает склады запятого оружия. Дело было в принципе: соседство новых идей, возможность альтернативы в корне разрушало раз заведенный механизм идеократии. Это в свою очередь вызвало бы необратимые изменения в самом человеке, в строе его души, в его мышле-

нии, в его сердце. И идеологический идол, инстинктивно почуяв опасность, уже не слушал никаких обещаний, ни клятвенных заверений, а просто бросился сломя голову спасать самого себя, совершенно забыв о престиже, о котором он до сей поры столь заботился.

Приблизительно той же участи подверглось и «Демократическое движение». Здесь справиться было проще, но опасность была едва ли ни большей. Ведь борьба за человека была в данном случае более явной. В чем оно собственно состояло, это «Движение»? Писались многочисленные протесты против преследования инакомыслящих (у нас, а не в Соединенных Штатах), против преследования целых народов (у нас, а не в Южной Африке), против издевательств над заключенными (у нас, а не на Гаити), против цензуры (нашей, а не греческой). Ни один из этих протестов не был ни официально организованным, ни запланированным. Было как бы неожиданно открыто, что можно рассказывать о политических процессах и даже проводить неинсценированные демонстрации. Система неписанных запретов как бы игнорировалась; ведь не может тоталитарное государство в наш век недвусмысленно запретить то, что в этом государстве делать не полагается. Была обнаружена щель между тем, что повсеместно говорится и тем, что при этом подразумевается; ведь не может государство, бесконечно твердя о свободе и всестороннем развитии личности, прямо так и напечатать в своей конституции: нет свободы совести, нет свободы печати, нет свободы слова и демонстраций. Оно поступает гораздо хитрее, оно заключает как бы негласный договор со своими гражданами: я буду говорить вам о вашей свободе, а вы поступайте так, как если бы никакой свободы нет. И граждане в общем-то так и поступали, иначе им пришлось бы слишком дорого расплачиваться. Это был элементарный этикет двоемыслия, понятный и ребенку.

Так все и шло, каждый день повторялись слова о свободе и демократии с расчетом, что они будут понятны в комплексе уже выработанных реакций. И когда какие-то люди попытались понять эти слова иначе, сначала преодолев эти реакции в себе, а потом сделав вид, что их вообще не существует, они совершали нечто недопустимое, нарушающее все приличия. В сравнении с этим уже немного значили их слова о «восстановлении ленинских норм» или о подлинном социализме. Независимо от чьих-то субъективных намерений они выбивались из того контекста двоемыслия, в котором обычно произносились подобные фразы, и оттого-то все меня-

лось принципиально. Внезапно проглянул бутафорный, невсамде-
ляшный характер всех наших пышных конституционных форм, всех
торжественных слов и ритуалов. Обнаружился вдруг весь строй
запущенной однажды идеологической машины, приспособленной
к вымуштрованным рефлексам и склеротическим повериям.

Протестовать или призывать к совести можно было только
по неписанному кодексу допускаемых протестов и призывов; если
этот кодекс нарушился, то уже выпадало по крайней мере одно
звено из той цепи полусознательного рефлекторного стовора, ко-
торый связывал все общество круговой порукой. Иначе все могло
быть поставлено под сомнение, все могло показаться призраком.
Как тогда поверить, что государство, которое за свою недолгую
историю успело уничтожить, искалечить, оболванить десятки мил-
лионов своих граждан, сегодня всерьез страдает от насилия над
арабами и возмущается закрытием демократических газет в Гре-
ции? Если не будет хотя бы смутного доверия, если государство
для всех лишится ореола всеведения и всеправоты, то сколько оно
сможет продержаться одной силой? Из своей же философии (ко-
торой, впрочем, инстинктивно не верит) оно знает, что недолго.
Однако держится оно на массовом идеократическом сознании,
которое, из каких бы противоречий оно ни состояло, в принципе
внутренне цельно и непротиворечиво, ибо совершенно замкнуто.
Уже элементарная рефлексия, т. е. некоторое отражение этих
противоречий, говорит об эрозии такого сознания. Рефлексия
делает приспособление чисто внешним, позволяет осознать его,
а в отдельных случаях и отвергнуть. Именно с этого простого
осознания (воспринятого не цинично, а духовно) и последовав-
шего за ним отказа от двоемыслия и началось «Демократическое
движение».

Особо следует сказать об издании «Хроники текущих собы-
тий», которая, возможно, не была прямым делом «Движения», но
примыкала к нему. «Хроника» вызвала наибольший страх в под-
сознании государства, что не замедлило сказаться в тех репрес-
сиях, которые она на себя навлекла. По форме «Хроника» имеет
самый безобидный вид, это только информация о преследовании
идеологически неудобных людей: аресты, обыски, протоколы су-
дебных заседаний, голодовки в лагерях, закрытие храмов или
просто адреса заключенных. Только информация, почти никаких
комментариев и уж совсем никаких эмоций. Вот только один
пример, взятый из пятнадцатого выпуска «Хроники»; всего лишь
несколько имен заключенных женского политлагеря ЖХ 385/3.

ДИЦЫК Галина, 1912 г. р., учительница. До начала 47 года — зам. руководителя Красного Креста при УПА, затем разведчица и связная ОУН. Арестована в апреле 50 г. Приговорена к 25 годам. До апреля 69 г. была во Владимирской тюрьме.

ГУСАК Дарья, 1924 г. р., связная ОУН, арестована в марте 50 г., приговорена к 25 годам. Во Владимирской тюрьме провела 19 лет.

СКЛЯРОВА Лидия. Приговорена к 15 годам за участие в попытке захвата самолета с целью уйти за границу.

КЮДЕНЕ Веруте, 1919 г. р., литовская колхозница. Осуждена в 63 г. на 10 лет за событие 20-летней давности (послевоенное нац. сопротивление). Арестована в психиатрической больнице, где она лечилась, по доносу врача, контролировавшего ее бред. До сих пор психически больна.

ГРОШОВА Надежда Степановна, 59 лет. Арестована в Ташкенте. Осуждена вторично на 10 лет за принадлежность к группе ИПЦ (Истинно Православная Церковь) по ст. 70 — антисоветская пропаганда. Первый приговор был 25 лет, из которых отсидела несколько лет и вышла в 56 году. Окончание срока в сентябре 70 г.

СЕМЕНОВА Мария Павловна, 45 лет. Срок 10 лет, группа ИНЦ. Конец срока в 71 году.

КИСЛЯЧУК Евгения Фоминична, около 65 лет. Осуждена на 10 лет вторично за принадлежность к секте “Свидетели Иеговы”. Конец срока в 72 году.

МАШКОВА Валентина, 28 г. р. В политическом лагере вторично. Арестована в августе 66г. за попытку перейти вместе с мужем границу. В тюрьме родила дочь. Приговорена Ленгорсудом сначала к 10 годам, при повторном рассмотрении дела — к 6 годам.

БЕКУДАЛИЕВА Раиса Ильинична, 45 лет, учительница литературы. Осуждена в марте 70 г. Ужгородским судом на 3 года за письмо зарубежным государственным деятелям.

ВОРОНЦОВА Вера. Неоднократно судима в последние годы за уголовные преступления. В 58 г. Ленинградским областным судом приговорена к расстрелу за сотрудничество с немцами во время войны (доносила на советских подпольщиков), расстрел заменен в порядке помилования 15 годами. Сейчас в лагере осуществляет надзор за другими заключенными.

Эти имена не составляют никакой тайны и ничего собственно не случится, если кто-то их будет знать. Ведь это уголовные преступницы, осужденные по советским законам и большей частью, вероятно, при юридически нормальном судопроизводстве. Ведь ничего не случится даже и в том случае, если данные о них будут публиковаться открыто и любой, кто захочет, сможет о них узнать, узнать сроки их заключения, их вину, их возраст. Всякий знает, что государство — это не добрая фея, что у него длинные руки и холодные нервы. И никто даже особенно не удивится такой гласности. И все же какая-то инстинктивная, не вполне осознан-

ная мудрость заставляет скрывать все это не хуже военных секретов. Если говорить об этом вслух, то какие-то правила игры будут нарушены. Завтра могут быть иные привила, но сегодня у нас и на «международной арене» как можно меньше людей должно знать о составе женского лагеря ЖХ 335/3, как и вообще о каких-либо политзаключенных в Советском Союзе. Все эти даже не очень большие списки как-то не вяжутся с открытой, обращенной ко всему миру улыбкой страны победившего социализма. Все это как-то не попадает в такт с могучей поступью великодушного покровителя слаборазвитых стран и непримиримого борца за демократию. И уж совсем неприлично вспомнить об этом после стольких слов о «всестороннем развитии личности». И те, кто судит сегодняшних «демократов» и «хроникеров», весь стоящий за ними аппарат принуждения и те, кто возводит над всем этим идеологическую радугу с тирадами о «всестороннем развитии» или о «грязных клеветниках», очень хорошо знают все эти приличия и прекрасно умеют вытеснять все то, о чем знать не следует.

«Хроника» свидетельствует о насилии и тем самым вызывает насилие на себя. Она приводит факты систематической и бесстыдно запрятанной жестокости государства, заставляя взглянуть на то, на что смотреть каким-то безотчетным законом запрещено. Все это творится с завязанными глазами, дабы не знать, забыть, не увидеть. Даже те, чьими руками все это делается, боятся отдать себе полный отчет. (*) Извращенность сознания становится принципом, который пытается навязать себя зрению, слуху и речи. «Хроника», называя вещи своими именами, противопоставляла себя этой извращенности. И именно для извращенного сознания она представляется заведомо преступной. Если разобраться, вся система насилий тоталитарного государства вырастает из древнего бессознательного страха перед магическим значением некоторых слов.

Не в том суть, что человека сажают в тюрьму за высказанные им убеждения (в форме хотя бы распространения неугодной ин-

---

(*) Бывшие лагерники нередко рассказывают о том, какую реакцию вызывают у начальства всякие «татуировочные уродства» (скажем, «Раб КПСС» или «раб СССР»). Кожу с татуировкой немедленно срезают или зашивают и делают это столько раз, сколько появляется татуировка. От таких операций лицо становится неузнаваемым. Дело иногда кончается новым сроком или даже расстрелом... Думать ты можешь что угодно (за этим пока нельзя уследить), но «видеть» твои мысли нельзя, невыносимо. Недопустимо твое свидетельство о насилии, твой «выход из норы» даже в форме юродства и мученичества. (см. книгу Анатолия Марченко «Мои показания», очерк Юрия Иванова «Город Владимир».)

формации); суть в том, что еще до всякой тюрьмы его лишают права на начальный общечеловеческий выбор своей духовной ориентации, а затем самым способом наказания пытаются возможность этого выбора физически уничтожить. Он уже выбыл из сферы идеологического гипноза, с ним не церемонятся. Особенно поражает какая-то мелочная рассчитанность этой подавляющей его жестокости: инструкциями созданное недоедание, холод, обыски, подслушивания, доносы, садизм политзанятий. Смысл наказания в том, чтобы политический заключенный перестал быть личностью, чтобы он принял навязанный ему сценарий или сгинул совсем. Но тюремной давилки оказывается все же недостаточно, и вот чья-то гиммлеровская фантазия изобретает заключение в психиатрические больницы.

Это не просто «изменение меры пресечения», это уже революционный скачок: количество наказания переходит в качество. Политический преступник остается личностью, он может объявить голодовку, написать письмо прокурору на клочке бумаги и, как бы ни набавляли ему срок, он все же когда-нибудь кончится и его выпустят. Сумасшедшему быть личностью отказано: на его протесты можно не обратить внимания, его голодовка есть только симптом болезни, его можно избивать на законном основании, травить лекарствами ради его же блага, делать инсулиновые шоки. Ему не дают пера, держат рядом с настоящими больными, а отпустить могут тогда, когда врачи сочтут его выздоровевшим. Здоровье же означает принятие обусловленных правил, законов двоемыслия, «культуры социальной адаптации». Требуют не предписанных мыслей, а принятых жестов, выработанных инстинктов. Норма двоемыслия выдвинула свою норму человека и ею стала отмеряться его человеческая полноценность. Весь смысл политического протеста «Демократического движения» состоял в том, что оно показало иную норму человеческого здоровья, которая оказалась невыносимой для общества, зараженного духовной эпидемией.

Но факт «наказания сумасшествием» говорит еще о другом. Государство может быть не только беспощадным, но и извортливым. Сегодня оно преподает свои истины пока примитивным способом, допускающим элементарный выбор: читать — не читать, слушать — не слушать. Формально оно еще не может предотвратить непонимания, «конституционной» или «демократической» наивности. Но кто поручится за то, что идеология не будет когда-нибудь распространяться с помощью таблеток, газов или инъекций? Исследования, связанные с современной обработкой инфор-

мации, не исключают такой возможности. Говорят, что некоторые интеллектуалы и даже ученые-психиатры на Западе остерегаются вмешиваться в дела советских психбольниц, чтобы не поссориться с первой страной победившего социализма. Вероятно, они думают, что она откажется от психиатрии как репрессивного средства по соображениям нравственности.

7. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОКОРНОСТИ И ПРОТЕСТА.

Бесчеловечность тоталитарного государства смешно объяснять чьими-то ошибками или перегибами, всегда сопряженными с заведомой безнаказанностью. Истоки ее гораздо глубже. Она вытекает из неверной модели человека, из специфического смещения духовной слепоты со злой волей к власти. Человеческий образ поразительно обеднен в этой модели, сведен к социально-утрированному стереотипу идей, импульсов и эмоций. Стереотип синтезированный отчужденным сознанием, всеми средствами «вправляется» затем во всякое субъективное сознание. Давление стереотипа приводит к заболеванию двоемыслием, первый признак которого — социализированная форма вытесненного страха. Мир наполняется материализовавшимися призраками этого страха, «недремлющими врагами». Так называемые «идеологические противники», по крайней мере в том их обличьи, которое называется стереотипом, порождаются чаще всего лишь «комплексом идеологической неполноценности». Без «противников» двоемыслие просто не могло бы существовать, ибо «социальный образ», даже подчинив себе личность, всегда подозревает ее в неверности. И ярость его выливается на всех, кто как бы воплощает для него подавленные им соблазны. (*) Отсюда неустанная жестокость тем, кто явно нарушает этикет двоемыслия — к «инакомыслящим». (**)

(*) И потому дурную услугу оказывают те, кто пытаются играть на этих вытесненных страхах и комплексах, кто изображает из себя тех самых огнедышащих драконов, с которыми денно и нощно сражается идеологическое войско. Действия НТС в данном случае как будто скопированы с известного всем бреда.

(**) Термин этот можно принять лишь условно. Если быть точным, все граждане идеократического государства принадлежат к инакомыслящим. Все мыслят «иначе», чем стереотип, насаждаемый государством. Разница заключается не в образе мыслей, но в образе действий, в том, берет ли человек на себя нравственную ответственность за свои мысли или по тем или иным причинам считает, что должен скрывать их и подлаживаться

Но следует понять, что страх, на который опирается идеократическая система, это совсем не обязательно страх перед насилием или травлей. Существует еще особый «идеократический страх», страх перед истиной, страх перед самим отчужденным сознанием государства. Оно, как мы уже сказали, воплощает собой всю сумму мудрости, правоты и долга. И только оно наделяется высшей прерогативой — быть личностью. Все остальные должны быть этой привилегии лишены. Лишены, разумеется, не в прямой форме, не вымогательством или захватом, но путем добровольной уступки, подмены одного другим. Существующее заменяется другим, реальное — вымышленным, живое — тем, что «живее всех живых». Над сонмом человеческих мыслей, потенциалов, намерений господствует идеологическое нечто, многословное чучело из абстракций и общих мест. Оно создает атмосферу непроницаемой духовной закрытости; на каждый вопрос есть свой ответ, будущее ясно, прошлое понятно, убеждения истинны, чувства заряжены.

В детстве это принимается с полной деверчивостью, в юности нередко сгорают в огне отвращения и упоительного фрондерства. Но становясь постарше, люди легко пресыщаются самолюбивым недовольством, к тому же им пора решать, что делать дальше, что выбирать. И тогда «тайный протестант», поколебавшись в меру, нет-нет да и станет перед вопросом: «А почему бы мне и не принять это? Разве я могу предложить что-либо иное? Разве всё у нас так уж плохо? Не у нас, разве лучше? И не все ли равно, что говорить, если нет другого выхода?» и т. д. А лет через десять-пятнадцать мы встречаем уже самоуверенного журналиста, пробивающегося партработника или, пожалуй, идеологического эксперта. Он уже не задает никаких вопросов. Он знает свое место и свою роль. Тот выбор, который некогда стоял перед ним, уже сделан. Теперь остается лишь его утверждать и отстаивать. Всякое общественное беспокойство, а тем более «движение» для него уже только «интеллигентская забава», позволительная для взрослых. И не вздумайте говорить ему о совести или свободе; вас ждет энергичная отповедь. «А какой свободы вы хотите? Свободы получать баснословные прибыли, свободы империалистической пропаганды, свободы клеветать на нашу страну? Или вы хотите, чтобы вам позволили говорить все, что вам вздумается? Этого не будет. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него!» и т. д. Если же вы все-таки станете добиваться личного мнения, может быть, вам доверительно скажут: «Занимайтесь тихо своим делом

и не валяйте дурака; вот вам мой совет». Система идеологических импульсов уже налажена и пущена в ход засасывающим мифом и двоемыслием.

Идеократическое сознание вовсе не предполагает отречения от свободы. Оно существует в атмосфере, где само это слово бессмысленно вне привычных отработанных реакций. Идеократическое сознание предполагает отречение от личности, отречение, при котором со свободой нечего делать, при которой свобода считается каким-то неприличием, бесчинством. Понятие «свободы» допущено только в системе рефлекторного двоемыслия; говорить о свободе, игнорируя эту систему, — все равно, что разбивать уличные фонари и опрокидывать урны. Первая реакция идеократического сознания: «Стой, как ты смеешь! Ведь мы этого не делаем». И потому за всяким общественным протестом стоит попытка человека пробиться через собственную социальную адаптацию, через собственное двоемыслие и обрести самого себя. Когда заключенные наносят себе на лбы татуировки, за которые их потом калечат, когда молодые люди вступают в безнадежные политические заговоры, за которые им дают потом десять-пятнадцать лет, то они делают это потому, что они хотят обладать собственными лицами среди окружающих масок.

А теперь вернемся к тезисам статьи К. Житникова. В контексте всего сказанного можно сформулировать два основных возражения. Первое здесь уже фактически высказано. Между идеократическим сознанием, сложившимся в системе культуры социальной адаптации и сознательным волевым протестом против него (несмотря на возможные сходства их фразеологических форм) не может быть ничего общего. Второе касается специфически правовой формы «Движения». Оно сознательно не выдвигало проблему свободы на первый план. Оно сформулировало и впервые поставило тему права, правовых гарантий личности. Борьба за право позволила осознать суверенность человека в тех условиях, где метафизически его сущность была поставлена под угрозу.

Сама же форма могла быть облеплена всеми традиционными пороками политического предпринимательства. В отдельных случаях к ней пристало тщеславие, неразборчивость в средствах, игра в вождизм. В критический момент все это могло обернуться предательством. Но закат «Движения» объясняется вовсе не этим. Общество или по крайней мере интеллигентное общество не только не заразилось моральным пафосом «Движения», но осталось равнодушным к идее права как таковой. Слой циничного двое-

мыслия и связанного с ним иронического равнодушия оказался еще слишком плотным. Об этом прежде всего свидетельствует статья самого К. Житникова, который под видом беспристрастного социологического анализа выразил изрядное пренебрежение к правовым формам борьбы за личность. Причем, выразил он его немножко по-советски, намеренно поставив «Движение» в отрицательный контекст либеральных реформ эпохи десталинизации. Сегодня все знают, что эти реформы были только средством выживания идеократического государства. Кризисная пора миновала и реформы были отброшены. Разумеется, они уже не вызывают особых симпатий; тем легче в полемических целях можно было смешать чистое с нечистым. Но суть не в этом.

«Демократическое движение» было формой проявления человеческого в той среде, где природа человека была извращена и подавлена. Либеральные реформы все же несли в себе определенный гуманистический смысл и не могут быть опорочены только тем, что делались они грязными руками. «Движение» предъявило счет этим реформам, тем самым обнаружив их половинчатость, их халтурность. Оно пыталось перенести их в план борьбы за человека, за ценность человеческой личности. Оно попыталось вырвать ее из системы бессознательного механизма внушенных идеологических импульсов. И несмотря на «закат», правовая форма «Движения» внутренне не исчерпала себя, хотя временно иссяк тот волевой напор, который поддерживал ее в прошлом.

«Временно» — не потому, что правовая форма скоро непременно возродится, но потому, что никогда не иссякнет та борьба за человека, которая стоит в центре человеческой истории. Ее можно назвать борьбой за освобождение духа, за достоинство человеческой личности. Но ведется она, осознанно или нет, на основе неоспоримого знания и свидетельства о том, что человек духовен, что эта духовность есть источник его свободы и достоинства. Ибо только Дух, по словам Экзюпери, «коснувшись глины, творит из нее Человека», только Дух делает его личностью.

Сентябрь 1973 г.

.....